

Новосельский Евгений Аркадьевич

КУЛЬТУРА РУССКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ

В статье рассматриваются главные тенденции отношения русской интеллигенции к культуре народа в процессе построения самобытной национальной культуры. При этом самобытность культуры раскрывается в онтологическом аспекте, а потому речь идёт о само-бытии. Основное внимание автор уделяет мысли, что действительный прогресс возможен лишь в традиционном, а не в революционном контексте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-3/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. III. С. 144-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 5.
2. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11.
3. ГАРФ. Ф. П-68. Оп. 34.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 41.
5. ГАХК. Ф. 553. Оп. 1.
6. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов: в 4-х т. М., 1958. Т. 3. 1946-1952 гг.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1971). М.: Политиздат, 1971. Т. 7. 559 с.
8. Крушанова Л. А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945 – 1960-е годы: дисс. ... к.и.н. Владивосток, 2007. 251 с.
9. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. / отв. ред. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. М.: Изд-во РОССПЭН, 2001. Т. 2. 1940-1959. 418 с.
10. Пискунов С. А. Правовой статус планового сельскохозяйственного переселенца в РСФСР, 1946-1991 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. Ч. 1. С. 148-151.
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 3. 751 с.
12. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока: монография. М.: Наука, 1990. 170 с.

**IMPLEMENTATION OF STATE POLICY ON MIGRANT FAMILIES' ALLOCATION
IN THE SOVIET FAR EAST DURING 1946 – THE 1950S**

Nenashev Pavel Viktorovich

Komsomolsk-on-Amur State Technical University

nox05@mail.ru

The article is devoted to the complex research of public authority's activity on the implementation of resettlement policy and the allocation of families in the Russian Far East during the post-war period (1946 – the 1950s). The features of the organized recruitment, voluntary resettlement of citizens and the role of demobilized soldiers in the increase of the Far Eastern population are considered. Particular attention is paid to the problems and difficulties of migrants within the region territory.

Key words and phrases: public policy; Far East; organized recruitment; resettlement; migrants' allocation; family.

УДК 008

Культурология

В статье рассматриваются главные тенденции отношения русской интеллигенции к культуре народа в процессе построения самобытной национальной культуры. При этом самобытность культуры раскрывается в онтологическом аспекте, а потому речь идёт о само-бытии. Основное внимание автор уделяет мысли, что действительный прогресс возможен лишь в традиционном, а не в революционном контексте.

Ключевые слова и фразы: народная культура; национальная культура; традиция; самобытность; само-бытие; развитие.

Новосельский Евгений Аркадьевич

Академия переподготовки работников искусства, культуры, туризма, г. Москва

e.nowoselsky@yandex.ru

КУЛЬТУРА РУССКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ®

Национальная самобытность (само-бытие) как социокультурный феномен складывается на исторических путях народа. И здесь очевидно, что самобытность исторична. Однако своими корнями, своими началами самобытность уходит не только в историю. Мы видим, как многие события истории являлись следствием, а не причиной развития национального самосознания. А сама история обретает онтологическую глубину именно благодаря самобытному существованию народа. Потому вернее сказать, что самобытность не формируется, а осуществляется на путях истории как само-бытие.

Уточняя терминологию, скажем, что понятия «народный» и «национальный» у нас близки потому, что русский народ, по своей сути, «национален», не замкнут рамками природной индивидуальности, но свободен свою индивидуальность пожертвовать на дело сверхнародное – вспомним советский (интернациональный) период русской истории народа. При этом понятия «народное» и «национальное» имеют отличия по существу, особенно в контексте культуры.

Так, под народной мы понимаем культуру устную, передаваемую «из уст в уста» и не требующую иного оформления, поскольку она является естественно образуемой и естественно функционирующей формой

народного бытия. Это – «духовная природа» народа, как различаемого субъекта истории, исток его индивидуальности, личностного мировоззрения и самосознания. Она «врождённое начало» сознательной жизни народа, его духовных задатков. Она – «жизненный мир» (в терминологии Э. Гуссерля) народа в котором потенциально заложены все дальнейшие возможности его развития.

Национальная (письменная, интеллигентная) культура предстаёт уже как творчество, развитие культуры народной. Здесь народ «перерастает» себя, выходит на иной уровень не только мировоззрения, развивающегося в связи с развитием науки, но и самосознания, развивающегося в связи с движением истории. При этом национальная культура не отрицает, а утверждает опыт прошлого и то, что в нём заложено. Национальная культура раскрывает вечные элементы само-бытия, разворачивает изначальные свойства и качества нации, пребывающие в культуре народной потенциально.

Традиция – вектор развития национальной культуры, её идея, уходящая в перспективу не только истории, но и в метаисторию, в вечность (по В. С. Соловьёву – идея нации не то, что она думает о себе в истории, но то, что Бог думает о ней в вечности). Вектор, устремлённый к осмыслению и реализации национального призвания.

Призвание национальное – самобытное (само-бытийное) личностное начало, идеал экзистенциального «я» предлагаемый свободе нации для реализации (не реализации) своих личностных задатков. *Telos* (греч. – конец), который есть полу-судьба, полу-задача (по Э. Гуссерлю); «не-алиби в бытии» (по М. М. Бахтину). Призвание и есть та самая самобытность. Но обретаемая не в застывших формах этноса и его природной индивидуальности, а перманентно, в определении и реализации народом, как действующим субъектом бытия, своих онтологических возможностей и моральных обязанностей. На пути развития этнической индивидуальности (народности) в личностную самобытность (национальность).

Самобытность (призвание) постоянно развивается, находится в процессе, в динамике социокультурного движения. Её невозможно понять, лишь фиксируя прошедшие события этого движения. Её необходимо увидеть в перспективе. Ретроспективный анализ генезиса национальной культуры только первый, но не конечный этап постижения национальной идеи, национального призвания. И здесь возникает вопрос о необходимости интерпретации опыта прошлых достижений. Причём интерпретируя самое начало – народную культуру, – мы как раз разворачиваем и актуализируем «содержание семени», фундаментальные основы самобытного развития.

«... Мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдою народной и признать её за правду... Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non* (лат. – обязательно): чтобы народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собою», – формулировал задачу интеллигенции в деле национального строительства Ф. М. Достоевский ещё в XIX веке [6, с. 145-146]. В связи с этим возникает вопрос, какого уровня «интеллигентные приношения» в народной культуре возможны и возможны ли вообще.

В первую очередь, как советует Ф. М. Достоевский, интеллигенции следует «преклониться перед народом» и действительно понять глубинную сущность народной культуры в том виде как она есть сама-по-себе. Искать ответов не на свои «злободневные» и относительные вопросы, но на национальные вопросы бытийного и непреходящего характера. Посмотреть на то, как народная культура развивается по своим собственным законам, относительно своего собственного основания и в связи со стремлением к своей собственной цели. Для этого, конечно, следует признать наличие у народа собственного «я» – зерна *existentia* (лат. – существование), – которое формирует не только дух (самосознание), но и тело (социально-общественное устройство) народа. Которое действует, развиваясь, в целостном духовно-материальном организме народа¹. Потому интеллигенции следует осуществить самопознание в «букве и духе» традиции, а уже только потом, опять по совету Ф. М. Достоевского, «принести с собою многое».

Так действовали – в одном с народом русле, из одного экзистенциального начала – многие творцы русской национальной культуры, стремящиеся не только определить традицию, но и быть в традиции, развивать традицию². При этом их идеи и произведения становились маяками национального развития, которые народное «я» берёт за ориентиры. «Что в народе бессознательно живёт, как возможность, то в гении является,

¹ В этом ракурсе русский народ изначально осмыслял себя как личность, имеющую свой онтологический фундамент, свой путь в истории, своё призвание в вечности, которое искал и пытался реализовать в своей культуре. На это со всей очевидностью указывают эпические жанры фольклора, где народ самовыражался посредством былинных богатырей. На особую роль богатырей как единственных защитников Русской земли указывал ещё Орест Миллер в известном исследовании «Илья Муромец и богатырство киевское» (1869 г.), сравнивая Илью Муромца с западноевропейскими рыцарями. «В западноевропейском эпосе, – отмечал он, – не видим мы впереди, первенствующими, богатырей из народа... происхождение первенствующего богатыря нашего эпоса из народа служит самым простым и решительным объяснением его относительной человечности и его свободного духа» [Цит. по: 9, с. 47-48]. Русский народ чётко осмыслял себя как социально-культурную личность, имеющую волю и силы для вполне определённой деятельности, что и формулировал в своей культуре.

² «...Начало поэтического, музыкального, технического творчества исходило из народных масс, масс тёмных, и выросло из этого корня. Бетховен, Пушкин, Глинка, Шекспир получили силу именно в народном самобытном творчестве», – отмечал Г. Успенский в письме С. Г. Рыбакову от 8 июня 1889 г.; «Создаёт музыку народ, композитор её только аранжирует», – записал слова М. И. Глинки А. Н. Серов; А. М. Горький в статье «Разрушение личности» говорил: «Народ – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры»; «Любимые мной в русской литературе вещи всегда казались письменной реализацией безграничных запасов устной словесности», – писал в своём дневнике М. М. Пришвин [Цит. по: 9].

как осуществление, как действительность. Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она. Тут единство, а не разделение, не двойственность», – отмечал В. Г. Белинский естественность взаимоотношений народной и национальной культур [1, с. 878]. Также и мирового признака достигают идеи и произведения лишь самобытного характера, рождённые на национальной почве.

Такое понимание хоть и давно сложилось в среде русской интеллигенции, однако до сих пор так и не стало руководящим направлением национального строительства.

Внимание к народной культуре и к отечественной истории особо активизировалось с XVIII века. Реформами Петра I и царствованием Екатерины II российскому обществу был поставлен вопрос о перспективах его развития. Через «открытое окно» в Россию подули новые для неё ветры рационализма, позитивизма, социализма. Не только техническое оснащение экономики, но и мировоззренческая позиция Европы принималась за образец развития России.

В этом историческом движении возникла насущная потребность национального самосознания определиться с вехами своей истории, с константами своей самобытности. И, вполне естественно, огромное внимание интеллигенция стала уделять сбору и исследованию фактов и феноменов народной культуры. Это позволило упрочиться многим философским течениям патриотического толка. «Славянофилы», «народники», «почвенники» и другие патриотические силы отстаивали самобытность русского пути исторического развития. Здесь формулировались положения о «соборности» (А. С. Хомяков), о «соединении с народной почвой и принятии в себя народного элемента» (Ф. М. Достоевский), о «правде-истине и правде-справедливости» (Н. К. Михайловский).

«Западники» предполагали иную форму культурогенеза. В деле национального строительства они отстаивали первенствующую роль просвещённого меньшинства. «Возвращение к народу они (*славянофилы* – Е. Н.) приняли грубо, в том роде, как большая часть западных демократов – принимая его совсем готовым. Они полагали, что делить предрассудки народа – значит быть с ним в единстве, что жертвовать своим разумом, вместо того чтоб развивать разум в народе, – великий акт смирения... Возвратиться к селу, к артели работников, к мирской сходке, к казачеству – другое дело; но возвратиться не для того, чтоб их закрепить в неподвижных азиатских кристаллизациях, а для того, чтоб развить, освободить начала, на которых они основаны, очистить от всего наносного, искажающего, от дикого мяса, которым они обросли, – в этом, конечно, наше призвание», – писал А. И. Герцен в «Былое и думы» [5, с. 449]. Эта позиция строилась на неприятии самобытных начал в положительных моментах русской истории, на нежелании осуществить «великий акт смирения» и признать наличие у народа экзистенциального зерна. «...Ошибка славян состояла в том, что им кажется, что Россия имела когда-то свойственное ей развитие, затемнённое разными событиями и, наконец, петербургским периодом. *Россия никогда не имела этого развития и не могла иметь* (*курсив автора* – Е. Н.)» [Там же]. Слова В. И. Ленина: «Узок круг этих революционеров. *Страшно далеки они от народа* (*курсив автора* – Е. Н.)», – сказанные им о декабристах, со всей справедливостью можно отнести и к «западникам».

Настоящий прорыв в деле национального самопознания осуществили мыслители «духовного ренессанса», воспринявшие и развивавшие идеи как «славянофилов», так и «западников». П. А. Флоренский, С. Булгаков, Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой, В. В. Розанов, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и многие другие философы этой плеяды, жившие в эпоху революционных катаклизмов в России, на собственном опыте испытали всю глубину и мощь потрясений народного бытия, произошедших в результате революционных перемен. Потому что лозунгами данных переворотов были призывы к изменению не только социально-экономического строя, но и к перемене духовно-нравственных основ существования народа. Было очевидно, что именно нравственный, духовный кризис общества сыграл решающее значение в изменениях начала XX века; именно эти проблемы должны ставиться во главу угла при решении вопросов национального самоопределения.

Изучая культурное наследие русского народа, эти мыслители искали возможности определить и понять сущность национального само-бытия, определить его характерные особенности и выявить те непреходящие положения, которые могут служить вкладом русского народа в мировой культурогенез. И этот вклад мыслители «духовного ренессанса» находили в явной религиозно-этической направленности русской культуры, в отличие от европейского курса на рационализм. Русская миссия должна реализоваться примирением «разума, чувства и воли – науки, искусства и религии», – как отмечал Н. Я. Грот, первый редактор журнала «Вопросы философии и психологии», долгое время служившего одной из трибун деятелей этого направления [Цит. по: 7, с. 210]. По их мнению, эта миссия осуществляется на путях развития культурных традиций русского народа, их интерпретирования, творческого осмысления. Они показали, что проблемы онтологии – метафизики бытия – имеют первостепенное значение. И, лишь исходя из ответов на подобные сущностные вопросы жизни, можно строить политику, экономику, общественную жизнь. Так, Н. А. Бердяев, со свойственным ему радикализмом, утверждал, что «русская интеллигенция при решении тех или иных вопросов исходит, прежде всего, из интересов социализма, пролетариата, борьбы с самодержавием и т.д., а не из стремления к истине» [Цит. по: Там же, с. 203].

Но при этом мыслители «духовного ренессанса» мало внимания уделяли подлинно народной жизни. Говоря в основном о национальных святынях, о гениях, о великих и значительных личностях, обозреваемых в истории, – т.е. о вершине айсберга, – они культуру русского народа оставляли в некоторой тени, в сфере не только потенциального, но бессознательного. Н. А. Бердяев вообще отрицал существование личностного начала у такого организма, такого субъекта истории, как народ: «коллективные реальности могут быть признаны индивидуальностями, но никак не личностями, они не имеют экзистенциального центра, не способны

к страданию и радости»¹ [2, с. 465]. Многие из этих мыслителей стремились обрести пути развития национальной культуры в примерах Византии, европейского Возрождения, иудаизма. Деятели «серебряного века» проходили мимо синкретизма народной культуры в поисках синтетического искусства, не замечая, что попытки объединить музыку, хореографию, поэзию, изобразительное искусство, философию в целостное теургическое действо, преображающее мир, в народной культуре уже давно были реализованы. Обрядовые действия, календарные и семейно-бытовые праздники наглядно осуществляли теургию в действительность. Но интеллигенция «серебряного века» искала вдохновения в основном в европейской светской культуре.

Как положительный пример интеллигентного погружения в народную культуру приведём небольшую статью князя Е. Н. Трубецкого «Иное царство и его искатели в русской народной сказке», составленной в 1918 году. Или доклад Б. Н. Вышеславцева «Русский национальный характер», составленный также на анализе русских народных сказок и прочитанный им в ноябре 1923 года в Риме на конференции, организованной Институтом Восточной Европы (Италия) [4].

Но для интеллигентного (сознательного) развития традиции мало лишь только осмысливать культуру народа. Её надо в себе актуализировать. Актуализировать так, как, например, А. М. Ремизов, активно пользующийся в своём творчестве не только отдельными фольклорными выражениями, но целыми текстами («Кострома» – от обряда, «Гуси-Лебеди» – от игры и т.п.).

Отвечая на обвинения его в стилизации и плагиате у народного творчества, А. М. Ремизов в 1908 г. отправил в журнал «Золотое руно» «Письмо в редакцию». Здесь писатель разъясняет задачи и приёмы своего творчества: «...я ставил себе задачей воссоздать народный миф, обломки которого узнавал в сохранившихся обрядах, играх, колядках, суевериях, приметах, пословицах, загадках, заговорах и апокрифах» [16]. А. М. Ремизов отмечал, что воссоздание народного мифа – это задача коллективного преемственного творчества не одного, а ряда поколений. Начало данного процесса он видел, например, в творчестве Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова. Высоко оценивая творчество А. М. Ремизова, Д. С. Лихачёв говорил: «в сущности А. Ремизов работал методом древнерусского книжника, и потому не может быть даже назван стилизатором. Он не стилизатор, а продолжатель в условиях Нового времени» [10, с. 255].

Воссоздавал А. М. Ремизов «народный миф» в первую очередь, конечно, в своём сознании. Но в этом процессе он актуализировал, активировал народную память, потому, что стремился говорить хоть и от себя, «но не за себя только, а за весь свой народ, ... ибо слово его рождено духовным актом национального строения и несомно подлинным ритмом народной жизни» [8, с. 233].

Советский (интернациональный) период истории русского народа был в основном периодом самоубийственного отречения от своей природы, от своей истории, доводя, по сути, до крайности дело «западников» XIX века. Но за образец социально-экономического и духовного развития России бралась не цивилизация Европы, но утопия коммунизма. Народная культура идеологизировалась, а с позиций научного материализма с нею проводились насильственные опыты, помогающие формированию нового советского человека. Опыт создания «советского» фольклора, активно проводившийся в 20-40-е годы XX века даже на академическом уровне, явно доказал, что всякое искусственное, противоестественное вмешательство в стихию народной культуры с целью её регулирования безуспешно и даже опасно. Как и искусственное вмешательство в стихию природы с целью безусловного подчинения её сил субъективным желаниям и воле человека. Совершенно искренне желая, как, например, Ю. М. Соколов, «... вмешаться в фольклорный процесс, заострить борьбу против всего враждебного социалистическому строительству, против кулацкого, блатного и мещанского фольклора, поддержать ростки здоровой, пролетарской и колхозной устной поэзии» [Цит. по: 14, с. 34], советский человек брался за невыполнимый сизифов труд. Как представлялось, «композиторы должны вернуть колхозу колхозные же частушки, но благодаря художественной обработке уже поднятые на более значительную высоту» [Там же, с. 35]. Советский партактив, как и «западники» XIX века, не стремился к самопознанию в русле традиции. Иной по мировоззрению, по своим духовным идеалам круг деятелей советской культуры пытался повернуть русло народной традиции на свой манер. Победивший советский (интернациональный) гуманизм «человекобожия», никак не соотносимый с русским гуманизмом «богочеловечества», восставал не только на природу, но и на историю русского народа. Однако данный опыт не был доведён до конца, и сегодня мы наблюдаем возрождение социокультурных традиций русского народа.

Сегодня в российском обществе всё увереннее актуализируется понимание того, что экономическое, политическое, информационное развитие требует прочного основания не только в материальной, но и в духовной сферах бытия. На лидирующие позиции выдвигается фактор культуры как «фундамента жизнедеятельности общества и человека», по формулировке Ю. А. Лукина [13, с. 6]. Культуры как формы целостного материально-духовного существования не в «общечеловеческой» абстракции, а в её конкретной и живой действительности, возможной лишь в личностном измерении.

Так, Правительством Российской Федерации принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)» (далее – Программа). Не случайно укрепление единства российской нации провозглашается на путях развития самобытности народов, её составляющих. Только сознательное (личностное) сотрудничество самостоятельных равно значимых, равноправных и равно ответственных единиц может составить настоящее единство.

При всём этом историческая действительность говорит, что формирование и укрепление российской нации происходило вокруг несущего стержня, которым предстоял русский народ. «Российская Федерация

¹ Хотя у самого Н. А. Бердяева существуют такие работы как «Судьба России», «Русская идея». Он часто пользуется термином «душа России».

является одним из крупнейших государств мира с полиэтническим составом населения, обладая при этом этнической (русской) и религиозной (православной) доминантами», – говорится и в Программе [17]. Русский народ оказался способным составить фундамент для построения таких, например, великих многонациональных государств, как Российская империя и Советский Союз. И то, что они оказались непригодными для перспектив меняющейся истории, не последнюю роль, по нашему мнению, сыграло постоянное с XVIII века, а не только сегодняшнее «сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей» [13, с. 6]. Подчиняя и регулируя в своих интересах самобытность русского народа, эти государства подрывали из своего основания главный «камень». Русский народ этими государствами отнесся от решения своих личных самобытных исторических задач. Эти государства рухнули. Потому, укрепляя Россию, возрождению и укреплению самобытности русского народа следует оказывать внимание, пропорциональное его государствообразующему весу. России без русских не будет.

Учитывая опыт прошлого – «русская интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы существования России. Теперь должна она обратиться к положительным началам, к абсолютным святыням, чтобы возродить Россию» [3, с. 225], – сегодня необходимое интеллигентное осмысление народной культуры, заключающееся в её интерпретации, формирует подход фольклоризма. Фольклоризм действует между двумя крайними точками: аутентичное погружение и адаптация (стилизация) традиции к современной культуре. Как бы то ни было, но при любой степени интерпретации (даже при самой аутентичной) возникает опасность отойти от вектора традиции, исказить сущностное, экзистенциальное её зерно. Ничуть немудрено желаемое выдать за действительное и приписать традиции те тенденции и основания, которые тот или иной исследователь находит в своём опыте, в своём мировоззрении, но не в изучаемой культуре. Потому, по нашему убеждению, в народной культуре следует в первую очередь искать её собственного витального (от лат. *vitalis* – жизненный) содержания.

Начиная искать в русской традиции имманентные ей категории, отношения, явления и т.п. вещи, обуславливающие её собственное целеустремлённое движение, её собственное русло, мы сталкиваемся с проблемой «отзывчивости» народной культуры почти на любую идею, любой миф. Особенно явно это свойство народной культуры прослеживается на примере фольклора: «историческая память этноса в фольклорном преломлении не обладает идеологической монолитностью, и было бы неосторожно пытаться строить на фольклорной основе некую цельную народную философскую систему... Всеохватность фольклора как совокупности исторической памяти этноса и его полифункциональная направленность определяют его идеологическую неопределённость и «всаядность», свободное отношение к альтернативным, подчас взаимоисключающим трактовкам и концепциям, перепады оценок», – отмечает Б. Н. Путилов [15, с. 70].

Потому в народной культуре, которая для всех, так сложно определить конкретную цель национального социокультурного развития, указать определённое русло национальной традиции. Зачастую по проблемам интерпретации народной культуры возникают споры вне научного дискурса. Возникают споры идеологические, где та или иная мифология отстаивает свою относительную «правду». Да и русская история представляется некой сумятицей духовных исканий, где определёнno видно лишь одно: русский человек хочет быть всем и ни от чего не хочет отказываться. Ему надо «розу белую с чёрной жабою повенчать». Из этого следует лишь один вывод: изучать культуру русского народа возможно лишь в свете абсолютной мифологии (по А. Ф. Лосеву).

Контекст абсолютной мифологии показывает необходимость исследования культуры народа через призму «человекознания». «Человекознание» – это принцип подхода к вещам и явлениям мира через человека, от человека и для человека. Человек как мера всех вещей и отношений. Но это отнюдь не тот гуманизм, что ставит человека в начало и во главу всего. Человек не обожествляется, а становится лишь «измерительным инструментом». А мир предстаёт миром феноменов, которые на эту «шкалу измерений» проецируются, которые человеку являются. По сути, это феноменологический подход, однако требующий не только признания трансцендентности мира (а потому стремление к диалогу, подразумевающему взаимную открытость), но также особого рода интенциональности (от лат. *intention* – стремление, намерение, направленность), – волевого обращения к предмету познания не только разумом, но и чувствами (задействованности всего человека: воли, разума и чувств).

Итак, самобытное национальное (традиционное) развитие невозможно без интерпретации народной культуры. Традиционное движение, по нашему убеждению, имеет вид естественного развития. Да, это эволюция. Но эволюция, не только и не столько естественно-природного характера, но эволюция духовная, личностная. А такое развитие предполагает сознательных (интеллигентных) усилий. Духовный естественный рост несколько отличается от природного. Образом такой эволюции служит символическое изображение дерева корнями вверх, в небе. Здесь начало развития полагается в сфере духа. Потому национальное культуротворчество невозможно без интеллигентного подхода.

При этом национальное культуротворчество невозможно и без природных (родовых) корней. Природная индивидуальность – задатки ментальности и образа жизнедеятельности – является существенным фактором самобытного развития. А здесь корни «древа жизни» как раз от земли.

Национальная культура, являясь в виде «садовода», культивирует жизненную (витальную) силу народа и укрепляет в первую очередь духовное основание. Но если подобный процесс культуротворчества отсекает природные корни, то его невозможно определить как национальный. Достижения иных культур, идеи инородного происхождения, что наглядно демонстрирует культура России, могут приживаться к национальному стволу, даже если этот процесс обусловлен внешними (насильственными) методами (крещение Руси, просвещение России, социализация Союза). Но, как показывает история, инородные идеи и достижения приживаются лишь потому, что имеют аналоги (задатки, побеги) в культуре народа.

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Избранные сочинения / ред. текста и вступ. ст. Ф. М. Головенченко. М. – Л.: Госуд. изд-во худ. лит.-ры, 1949. 1096 с.
2. **Бердяев Н. А.** Дух и реальность. М.: АСТ; Астрель, 2011. 664+8 с.
3. **Бердяев Н. А.** Русская идея. Судьба России. М.: ООО «Издательство В. Шевчук», 2000. 543 с.
4. **Вышеславцев Б. Н.** Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
5. **Герцен А. И.** Былое и думы / предисл. В. А. Путинцева; примеч. Н. П. Анциферова; оформл. М. Большакова. М.: Дет. лит., 1974. 576+16 с.
6. **Достоевский Ф. М.** Дневник писателя: избранные страницы / авт. вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасов; худож. В. Г. Алексеев. М.: Современник, 1989. 557 с.
7. **Замалеев А. Ф.** Лекции по истории русской философии. Изд-е 2-е, доп. и перераб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 312 с.
8. **Ильин И. А.** Путь к очевидности: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 912 с.
9. **Калугин В. И.** Струны рокотаху...: очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1989. 623 с.
10. **Лихачёв Д. С.** Русская культура. М.: Искусство, 2000. 400 с.
11. **Лосев А. Ф.** Самое само: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
12. **Лосский Ю. О.** История русской философии. М.: Сварог и К, 2000. 496 с.
13. **Лукин Ю. А.** Культурология: вчера, сегодня, завтра. Очерки теории и методологии. Библиография. Маргиналии. М.: АПРИКТ, 2001. 202 с.
14. **Неклюдов С. Ю.** Фольклор и современность: итоги XX века // От конгресса к конгрессу: навстречу II всероссийскому конгрессу фольклористов: сб. мат-лов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 30-42.
15. **Путилов Б. Н.** Фольклор и народная культура. In *memoriam*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
16. **Ремизов А. М.** Докука и балагурье [Электронный ресурс] // Ремизов А. М. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 2. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/remizov-ss10-02/remizov-ss10-02.html> (дата обращения: 01.09.2012).
17. <http://base.garant.ru/70439260/> (дата обращения: 01.09.2012).

CULTURE OF THE RUSSIAN PEOPLE IN CONTEXT OF NATIONAL CULTURE

Novosel'skii Evgenii Arkad'evich

Academy of Art, Culture, Tourism Workers Retraining in Moscow
e.nowoselsky@yandex.ru

The article considers the main tendencies of the Russian intellectuals' attitude to people's culture during the process of original national culture construction. At the same time the originality of culture is revealed in ontological aspect, that's why it is said about self-being. The author pays special attention to the idea that real progress is possible only in traditional, and not in revolutionary context.

Key words and phrases: popular culture; national culture; tradition; originality; self-being; development.

УДК 342.7

Юридические науки

В статье рассматриваются вопросы ограничения конституционных прав личности в Российской Федерации. Автор считает, что ограничение конституционных прав может быть только «правомерным», любое «неправомерное» ограничение является их нарушением. В целях укрепления гарантий конституционных прав личности от возможных нарушений со стороны государства выделяются условия допустимости таких ограничений. Предлагается авторское определение понятия «ограничение» конституционных прав.

Ключевые слова и фразы: конституционные права; ограничение конституционных прав; пределы осуществления конституционных прав; механизм ограничения конституционных прав; условия допустимости ограничения конституционных прав.

Одношевин Игорь Александрович

Хабаровский пограничный институт ФСБ России
Odnoshevin87@mail.ru

**ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ:
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ©**

Российская Федерация на сегодняшний день остается страной развивающейся демократии, страной, Конституция которой признает и гарантирует соблюдение прав и свобод человека и гражданина, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Ст. 2 Конституции РФ [8] устанавливает, что человек,

© Одношевин И. А., 2014